

БОЯРИНЪ И ВОЕВОДА КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ.

«Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россія.»

Родъ Пожарскихъ идетъ отъ Всеволода III, . котораго потомокъ въ шестомъ колѣнѣ, князь Василій Андреевичъ, первый сталъ прозываться Пожарскимъ. Это названіе получилъ онъ отъ городка Погара, или Погорѣлаго, полученнаго имъ въ наслѣдство и опустошеннаго пожаромъ (1). При Іоаннѣ III, Пожарскіе — Стародубскіе князья (2), въ слѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на православныхъ, литовскимъ княземъ Александромъ, отложились отъ этого послѣдняго и перешли въ подданство Россіи. Въ половинѣ XVI вѣка Пожарскіе считаются уже между жителями Москвы: именно въ это время имѣлъ въ Москвѣ свой домъ дѣдъ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, Феодоръ Ивановичъ Пожарскій (3).

Не видно, чтобъ Пожарскіе занимали важныя мѣста въ государствѣ: болѣею частію они отправляли должности городничихъ въ мелкихъ городахъ; одинъ даже былъ ямскимъ стройщикомъ (4).

(1) Прежде онъ назывался Радогощъ, и подъ этимъ именемъ встрѣчается въ лѣтописяхъ уже подъ 1500 годомъ. Онъ лежитъ въ Черниговской-Губерніи, въ Стародубскомъ-Уѣздѣ.

(2) Стародубскими назывались князья Пожарскіе оттого, что сынъ Всеволода III, Иванъ, въ 1238 году получилъ въ удѣлъ городъ Стародубъ и отъ него прозваніе Стародубскаго, которое, вмѣстѣ съ удѣломъ, перешло къ его потомкамъ.

(3) Царств. Книг., л. 486. «17 іюля (1560 года) загорѣлся на Арбатѣ у Ризъ Положенія, князя Феодоровской, дворъ Пожарскаго.» Имя Феодора Ивановича встрѣчается въ двухъ поручныхъ записяхъ временъ Іоанна IV, данныхъ въ 1562 и 1565 годахъ. Въ одной записи онъ называется помѣщикомъ Мещовскимъ. Собр. Гос. Гр. и Дог., томъ I, №№ 176 и 184.

(4) Русскій Историческій Сборникъ 1838 года, томъ II, стр. 294 и 295. Дѣло князя Лыкова съ Пожарскимъ. Лыковъ, между-прочимъ, упрекалъ Пожарскаго, что онъ причисляетъ къ своему роду такіе роды, которые «съ Пожарскими разошлись, и что онъ хочетъ тѣмъ пособить своей худобѣ и своему отечеству.» Сравни стр. 295 и 297. «Князь Иванъ, Князь Петровъ, сынъ Пожарской былъ на Тулѣ Ямской стройщикъ.» Въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ, дѣлѣ Пожарскаго, Феодоръ Ивановичъ, называется губнымъ старостой. Чтенія Общ. Ист. и др. 1848, вѣ. 9, Замѣчат. случаи по Мѣстнич. № XIX.

Отецъ князя Дмитрія Михайловича, Михаилъ Θεодоровичъ служилъ при Іоаннѣ IV и участвовалъ въ походахъ на Казань и въ Лифляндію: въ награду за свою службу онъ получилъ отъ царя нѣсколько деревень. Въ 1571 году онъ женился на дочери Θεодора Ивановича Беклемишева, Марьѣ; въ 1578 году отъ этого брака родился князь Дмитрій Михайловичъ. Въ 1587 году отецъ Пожарскаго скончался (1), оставивъ вдовствующую супругу съ двумя сыновьями и дочерью Дарьей, вышедшею послѣ замужъ за князя Никиту Хованскаго. При вступленіи Бориса Годунова на престолъ, двадцатилѣтній князь Дмитрій является уже въ должности *стряпцаго съ платьемъ* (2) и получаетъ жалованье по двадцати рублей въ годъ (3). Мать его, Марья, жила во дворцѣ при Ксении Борисовнѣ (4). Самъ князь Дмитрій Михайловичъ былъ близокъ къ царю Борису (5).

Въ первый разъ со славою является Пожарскій на полѣ брани въ 1608 году при царѣ Василѣ Шуйскомъ. Тогда-какъ Лжедмитрій II изъ Тушина грозилъ изнемогающей Москвѣ, толпы Поляковъ бродили по окрестнымъ городамъ, грабили ихъ и опустошали. Подъ Коломною явился панъ Хмѣлевскій, но былъ разбитъ и прогнанъ посланными отъ царя воеводами Прозоровскимъ и Сукнымъ. Вскорѣ царь получилъ извѣстіе, что Поляки опять идутъ къ Коломнѣ съ другой стороны, отъ Владимира. Тогда онъ послалъ противъ нихъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и ратныхъ людей. Прибывъ къ Коломнѣ, Пожарскій отправилъ нѣсколько человекъ для рекогносцировки, и узнавъ, что Поляки стоятъ за тридцать верстъ отъ Коломны, въ селѣ Высоцкомъ, пошелъ туда съ своею ратью. Рано поутру онъ напалъ на нихъ, побилъ ихъ на-голову, взялъ многихъ въ плѣнъ и захватилъ весь обозъ.

Въ 1609 году, когда въ окрестностяхъ Москвы разбойничалъ атаманъ Сальковъ, царь выслалъ противъ него воеводу Сукина; но Сукинъ не могъ одолѣть Салькова и бѣжалъ въ Москву. Тогда Шуйскій послалъ противъ Салькова князя Пожарскаго, который, встрѣтивъ его

(1) Въ Актахъ Историческихъ (т. I, № 220) есть свидѣтельство, что князь Дмитрій Михайловичъ по завѣщанію отца своего отдалъ Спасо-Евфиміеву-Монастырю его стародубскую деревню: три дворища. Граммата же писана въ 1587 году. Хованскій, зять Пожарскаго, скончался около 1608 года, схимникомъ, съ именемъ Нифонта. Акты Истор. т. II, № 87.

(2) Акты Экспеди. т. II, № 7, стр. 44.

(3) См. Окладн. книга 1604 года въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ жалованья за этотъ годъ вычтено у Пожарскаго 12 рублей за лошадей, купленную имъ въ Ковыженномъ-Приказѣ.

(4) Истор. Сборникъ, т. II, 1838 года, стр. 271 — 272.

(5) Ibid. стр. 268. У Пожарскаго спорное дѣло съ Лыковымъ началось въ 1602 году по такому случаю: «по указу царя Бориса велѣно было княгинѣ Лыковой быть при парцѣ Марьи Григорьевнѣ, а матери Пожарскаго при Ксении Борисовнѣ. Пожарскій подалъ челобитную, что матери его ниже княгини Лыковой быть не вѣстно. Начались справки въ разрядныхъ книгахъ: дѣло затянулось и не рѣшено при Борисѣ. Лыковъ возобновилъ дѣло въ 1609 году при Василии Шуйскомъ, но чѣмъ тогда оно кончилось — не извѣстно.

на владимірской дорогѣ, на берегахъ Пехарки разбилъ и совершенно истребилъ его шайку; осталось въ-живыхъ только тридцать человекъ, и они вмѣстѣ съ атаманомъ явились къ царю съ повинною головою.

На слѣдующій годъ Пожарскій является уже воеводою въ Зарайскъ (1). По смерти Скопина, одинъ Зарайскъ остался вѣрнымъ царю при содѣйствіи Пожарскаго. Племянникъ Ляпунова, Теодоръ, явился съ возмутительнымъ письмомъ къ Пожарскому; но Пожарскій не вникъ совѣту измѣнника, письмо его отправилъ къ царю и получилъ изъ Москвы отрядъ войска съ Глѣбовымъ. Узнавъ объ усиленіи рати Пожарскаго, Ляпуновъ оставилъ Зарайскъ въ покоѣ.

Въ іюлѣ того же года, когда тушинскій самозванецъ, узнавъ о сѣдствіяхъ клушинской битвы, двинулся изъ Калуги къ Москвѣ, князь Пожарскій еще имѣлъ случай выказать всю твердость духа и вѣрность государю. Коломна, по примѣру измѣнника, стрѣлцкаго головы Бабынина, присягнула Тушинскому-Вору, и мятежники послали возмутительныя грамоты въ Каширу и Зарайскъ. Когда посланные прибыли въ Зарайскъ взять присягу съ жителей въ пользу Тушинскаго-Вора, жители собрались къ князю Пожарскому, и требовали, чтобъ онъ первый далъ присягу. Пожарскій отказался, хотя и грозили ему смертью. Ободряемый совѣтами никольскаго протоіерея Дмитрія, князь рѣшился лучше умереть, чѣмъ пзмѣнить присягѣ, данной Василію. Малое число людей оставалось при немъ, и онъ заперся съ ними въ крѣпости. Скоро измѣнились мысли Зарайцевъ: все имущество ихъ хранилось въ крѣпости, конечно потому, что въ это смутное время опасность каждый день грозила жителямъ городовъ, особенно близкихъ къ Москвѣ. Поэтому, когда Пожарскій заперся въ крѣпости, Зарайцы стали терпѣть нужду въ деньгахъ и запасахъ, и вынуждены были обратиться къ своему воеводѣ съ повинной головою. Чтобъ утвердить ихъ въ вѣрности къ престолу, Пожарскій взялъ съ нихъ присягу въ пользу законнаго царя, и самъ цаловалъ крестъ. Твердость Пожарскаго имѣла благотѣльное вліяніе на другихъ: Коломна, слѣдуя его примѣру, и, вѣроятно, совѣтамъ и убѣжденіямъ, отложила отъ Самозванца и перешла на сторону царя Василія. Шуйскій, въ благодарность за такіе подвиги Пожарскаго, награждалъ его помѣстьемъ, селомъ, Нижнимъ-Лавдехомъ со многими деревнями—въ Суздальскомъ-Уѣздѣ (2).

Но Шуйскій, 17 іюля 1610 года, сложилъ корону, и Россія подверглась всѣмъ ужасамъ междоусобицы. 22-го числа явился подъ стѣнами Москвы гетманъ Жолтѣвскій и утвердилъ, своимъ согласіемъ, мнѣніе Мстиславскаго и Боярской-Думы—избрать въ цари польскаго королевича, Владислава. 17-го августа въ Москвѣ подписали договоръ объ упрощеніи Владислава принять скипетръ русскаго царства и дали ему присягу.

(1) Онъ слѣланъ воеводою Зарайскимъ 1610 года, февраля 8-го. См. Ист. Госуд. Росс. т. XII, прим. 532.

(2) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 56.

Въ договорѣ было сказано, между-прочимъ, чтобъ польскія войска не занимали столицы, а отошли къ Можайску; чтобъ гетманъ не позволялъ ходить солдатамъ въ столицу безъ дѣла, только бы отпускалъ не больше двадцати человекъ для закупки съѣстныхъ припасовъ и то не иначе, какъ съ билетомъ за своею подписью (1). Но договоръ не былъ соблюденъ; 21-го сентября Жолкѣвскій вступилъ со всѣмъ войскомъ въ столицу и занялъ Кремль. Для своей безопасности онъ отправилъ русское войско къ Новгороду, будто бы для защиты его отъ Шведовъ (2).

Тогда на Руси поняли, что Польша не можетъ быть въ дружбѣ съ Русскими; по городамъ началось движеніе, цѣлью котораго было изгнаніе изъ Москвы Поляковъ. Въ области Рязанской и Нижнемъ-Новгородѣ открылось оно прежде-чѣмъ въ другихъ городахъ. Проконій Ляпуновъ, собравъ толпы патріотовъ, взялъ приступомъ Пронскъ. Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, по отъѣздѣ послѣдняго въ Польшу для личнаго ходатайства предъ королемъ объ отпускѣ королевича въ Россію, отправилъ противъ Ляпунова отрядъ Запорожцевъ, къ которымъ присоединился измѣнникъ Сунбуловъ. Казаки осадили Пронскъ, и Ляпунову дѣлали «тѣсноту великую». Узнавъ объ этомъ, зарайскій воевода, князь Пожарскій, поспѣшно набралъ войско въ Коломнѣ и Рязанской-Области и пошелъ на выручку Ляпунова. Запорожцы, услышавъ о его движеніи, отступили къ Михайлову и потомъ къ Зарайску, который они осадили. Пожарскій поспѣшилъ воротиться въ свой городъ; съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ вылазку и разбилъ Запорожцевъ. Встрѣчая всюду неудачи, казаки ушли въ свою Украину. Это было въ январѣ 1611 года.

Въ мартѣ 19-го числа, во вторникъ на страстной недѣлѣ, Пожарскій является дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ. Измѣнникъ Михайло Солтыковъ присовѣтовалъ Гонсѣвскому сдѣлать нападеніе на Москвитянъ въ вербное воскресенье, когда они соберутся въ Кремль на церемонію этого дня. Выпустили изъ заключенія патріарха Гермогена, и велѣли ему совершить шествіе на ослѣхъ. Но народъ, узнавъ о злоумышленіи Поляковъ, не пошелъ въ Кремль за вербою. Во вторникъ Поляки выполнили свои замыслы. Москвитичъ говоритъ, что во время обѣдни въ Китай-Городѣ завязалась у Поляковъ ссора съ Москвитянами; причиною ссоры были самъ Поляки, которые обирали въ домахъ обывателей разныя вещи (3). Отъ ссоры дошло до драки: народъ собрался и ударилъ на грабителей. Узнавъ объ этомъ, Гонсѣвскій выслалъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копейщиковъ, которые прежде всего напали на купцовъ въ гостинномъ ряду, умертвили князя Андрея Голицына въ его домѣ, бросились потомъ на Тверскую-Улицу, но здѣсь были отражены стрѣльцами. Князь Пожарскій съ своимъ отрядомъ, под-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, N 199, 200.

(2) Опускаемъ подробности объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и отсылаемъ читателя къ «Исторіи Смутнаго Времени» — Бутурлина.

(3) Сказ. Собр. о Дмитріѣ Самозванцѣ. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 16.

крѣпленнымъ артиллеріею, стоялъ на Срѣтенской-Улицѣ; онъ мужественно встрѣтилъ враговъ, два часа бился съ ними, отразилъ ихъ и вогналъ въ Китай-Городъ. Въ тотъ же день онъ занялся постройкою острога у церкви Введенія-Богородицы, что на Лубянкѣ. Отраженные Пожарскимъ, Поляки бросились изъ Китай-Города на Кулишки, но и здѣсь были отражены Бутурлинымъ. За Москвой-Рѣкой противъ нихъ выступилъ Колтовской и мужественно отбилъ ихъ. Въ другихъ мѣстахъ они встрѣтили столь же мужественное сопротивленіе: «лишь-только, говоритъ Маскѣвичъ, мы бросимся на нихъ съ копьями, они тотчасъ заградятъ улицы столами, скамьями и бревнами. Чтобы лишить ихъ этихъ выгодъ, мы нарочно отступали; а они подвигались за нами, неся въ рукахъ всѣ эти вещи, и вдругъ перегородивъ улицу, снова стрѣляли изъ загороды, такъ-что мы ничего не могли имъ сдѣлать. Изъ оконъ палили въ насъ изъ самопаловъ, бросали камни, бревна, доски, били шестами, и конницу нашу прижали къ Кремлю» (1). Видя отчаянное сопротивленіе жителей, Поляки прибѣгли къ другому средству—начали зажигать дома. Первый примѣръ подалъ измѣнникъ Михайло Солтыковъ, который самъ зажегъ свой домъ; порывистый вѣтеръ раздулъ пламя, и оно въ четверть часа охватило всю Москву отъ Арбата до Кулишекъ. Гонимые огнемъ, Москвитяне отступали отъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля. На другой день, въ среду, Поляки устремились на Срѣтенскую-Улицу, гдѣ былъ острогъ Пожарскаго. Пожарскій принялъ Поляковъ съ обычною ему храбростію; цѣлый день бился съ ними, наконецъ, палъ изнеможенный отъ ранъ. Его отвезли въ Троицкій-Сергіевъ-Монастырь. Отсюда, укрѣпившись нѣсколько въ силахъ, онъ поѣхалъ въ свою нижегородскую отчину Пурехъ, которая находилась въ шестидесяти-восьми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода.

Между-тѣмъ Москва находилась въ жалкомъ положеніи; почти вся она обращена была въ пепелъ, множество жителей предано мечу, остальные спасли жизнь свою бѣгствомъ. Устрашенные тяжкими бѣдствіями, Русскіе думали, что скоро настанетъ конецъ міра, и самъ Пожарскій раздѣлялъ это мнѣніе (2).

Но духъ народа, искони преданнаго пользамъ Церкви и Престола, не могъ быть совершенно подавленъ игомъ тяжкихъ бѣдъ и сродниться съ элементами для него чуждыми. Предстояла страшная борьба съ иноземцами за свое, родное—борьба на жизнь или смерть. Идеи, которыя всегда одушевляли народъ, и теперь являются на первомъ планѣ. Интересъ религіозный стоялъ выше другихъ интересовъ: православныя церкви были разорены, вѣра поругана—этого довольно, чтобы возбудить народъ на защиту Церкви. Обычная древняя привязанность къ царю единоплеменному, православному, удержала умы отъ небывалой мысли подчиниться царю иноплеменному, даже еще болѣе: усно-

(1) Сказ. Совр. о Дмитр. Сам. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 76 и 77.

(2) Акты Экспед. т. II, N 201.